

Сергей Юрский:

Когда живешь в Париже, то и тратишься

по-парижски

Комс. правда. - 1992. - 3 сент.

Французская глушь и стихи Пушкина, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака... Далекий департамент Овернь посетил седьмой фестиваль поэзии России.

Высоко-высоко в горах, в старинном монастыре звучала поэтическая драма «Евгений Онегин». Прямо на вокзале городка Ланжака разыгрывались сценки из Маяковского. «Процесс над поэтом» — так называлась постановка, в которой юные энтузиасты попытались восстановить эпизоды злоевающего ленинградского суда над Бродским.

Во всей этой кавалькаде пьес, концертов и прочих поэтических пиршеств мне больше всего понравился спектаклик, поставленный за пять дней Сергеем Юрским и Аллой Демидовой. Молодые актеры из Парижа и Сент-Этьена читали, естественно, на своем, но стихи оставались родными.

Еще очень удивил Юрский. Для нас пока в новинку: не дипломат, не переводчик, а выговор прямо парижский. Где же так учат?

— В обыкновенной ленинградской школе. Наша молоденькая учительница Валентина Нефедова относилась к французскому и к нам с глубоким уважением. У меня чувство интереса к языку переросло в симпатию, дружбу, а потом и любовь. Взялся за учебу самостоятельно. И, став актером, разучивал целые французские программы. Читал дома для друзей, иногда удавалось даже выступить на публике. Однажды поставил в театре на французском булгаковского «Мольера». В 1987-м пригласили с концертом в Париж — и сразу в знаменитый «Одеон». С тех пор пошло...

— Что думаете о жалобах ваших коллег — драматических актеров, нас навсегда покинувших? Они здесь бедствуют. И все из-за российского прононса. Бедолаги зазубривают роли, но играть не дают.

— А я вам ответный вопрос. У нас дома артистов с кавказским акцентом разве пускают на роли русских крестьян или дворян? Они играют людей кавказских. Для тех, у кого сильный украинский говор, некоторые роли тоже закрыты. Это законы языка, который себя в какой-то мере обороняет. Вот когда уехавшие достигнут полной гармонии со страной, их принявшей, режиссеры заговорят с ними по-другому. Мы с вами беседуем в замке Лафайетт — в нем в 1925-м жил русский юноша-эмигрант Татищев. Вот он во французскую жизнь погрузился полностью и превратился в великого актера Франции Жака Тати.

— Мальчику Татищеву было легче. Его-то привезли сюда навсегда.

— Кто это тогда знал и что значит «легче»? Гигантский труд вживания в чужую жизнь бывал когда-нибудь легким? Ведь надо переродиться, превратиться в представителя иной культуры. Такое не сыграешь. А жить в иной державе, с натугой складывая корявые фразы, и требовать, чтоб к тебе

относились, как к своему и равному, наивно, несправедливо. В старательное зазубривание я тоже не верю. Слишком далеко от творчества. Может, раз для проверки собственных ощущений в спектакле. Хотя основной актерской цели так не достигнешь: полноценного образа не создашь.

— Если возвратиться к народному артисту Сергею Юрскому... Играв на чужой сцене, вы что-то полезное для себя почерпнули?

— Много. Главное, я понял, что до выносливости, которую демонстрируют французские актеры, нам страшно далеко. Советские условия к тому не приучили. Ни один режиссер мира не мог позволить себе того, что дозволялось нашему любому среднему постановщику в театре или кино. Иметь столько времени на постановки, столько народа, его обслуживающего, уйму актеров... И работать столь плохо, вяло, повторяя: мысль пока не созрела. Не созрела — уйди. Но не уходили, и почва была благодатной для произрастания бездарностей.

Еще французский театр научил меня точности. В нем не принято повторять дважды то, что обязано быть усвоено с первого раза. Словосочетания «я забыл», обращенного к режиссеру, тут не существует.

Но игра на парижской сцене одарила меня не только этим набором. Появилось понимание различия между разными театральными школами. Все, чему учили и научили дома, невольно собралось во мне воедино. Так я устоял под напором французской школы — для меня чужой. И пробудилось сознание гордости за нашу, российскую.

— Вы каждый день играли один и тот же спектакль. Не наскучило за 5 месяцев?

— Не успело. Отыграли во Франции, Бельгии столько, сколько было положено по контракту. Но тут я тоже кое в чем разобрался. Играть в пьесе, которая с потрясающим успехом идет на Бродвее год, три, пять лет подряд, я бы не хотел. Это уже коммерция.

— Скажите, контракт был для вас выгодным?

— Мои усилия оплатили достойно, однако богатым я не стал. Когда живешь в Париже, то и тратишься по-парижски.

— Что дальше? Снова Франция? Или ваш «Моссовет»?

— На днях в Москве закончили снимать фильм «Счастье» — совместное мосфильмо-французское производство. Любопытную сыграл я роль — профессора-худесника Шереметьева. А ближайший контракт с Францией будет такой, что ездить сюда обязательно. Мы, русские актеры, ставим спектакль с молодым французским режиссером и на французском языке. Адский этот труд длится полгода и посвящен 80-летию драматурга Эжена Ионеско, которое мы на свой манер отпразднуем в ноябре.

Н. ДОЛГОПОЛОВ.

(Наш соб. корр.).

Ланжак — Париж.

152